

Одесский листок
1892, 20 января, № 18.

С. 23.

ФЕЛЬЕТОНЪ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“
20-го Января 1892 года.

Журнальное обозрѣніе

Еще очень недавно я бесѣдовалъ на этомъ самомъ листѣ о г. Чеховѣ; къ ближайшей моей неожиданности, а и въ настоящую минуту долженъ бесѣдовать о немъ. Г. Чеховъ рѣшительно начинетъ быть также продуктивнымъ, какъ и вообще „молодые“ беллетристы. Это не къ дѣлу. Перваго января утромъ, швейцаръ, подалъ мнѣ журналъ. Я поинтересовался узнать, какую „литературу“ приносятъ намъ новыя 1892 года. Открываю „Сѣверъ“ и вижу: новіесть или разсказъ г. Чехова. Открываю „Сѣверный Вѣстникъ“ и опять-таки вижу „Жена“, новіесть г. Чехова. — Что за она? думаю себѣ. Неужели у г. Чехова закончилось такъ много мыслей, что онъ пишетъ днемъ и ночью и печатаетъ написанное во всѣхъ „сѣверныхъ“ журналахъ? Правда, г. Чехова приятно читать, онъ человѣкъ талантливый, но... такъ много мыслей!... Ахъ, какой усталъ! Какъ онъ долженъ мучиться этими обидѣми!... И что любопытно: всѣ наши „молодые“, издавше надежды, беллетристы такъ обильно мыслятъ, такъ мучатся ими, что имъ, блуждающимъ, и спать не приходится, — все пишутъ и излагаютъ на бумагу свои мысли... Но возвратимся къ г. Чехову и къ его повѣсти „Жена“, о которой и обязанъ сдѣлать вамъ обстоятельный докладъ.

Когда я пришелъ за чтеніе этой повѣсти, мнѣ все казалось, что ябто подобное, а можетъ быть, даже и то-же самое, и гдѣ-то уже читалъ, и только въ концы повѣсти я догадался, что ябто подобное и уже, действительно, читалъ... въ „Новомъ Времени“, у того-же г. Чехова, который въ концы года позарезъ читателямъ „Новаго Времени“ свое повѣсть „Дуэль“. И какъ только я догадался въ чемъ дѣло, — все стало ясно. Это новая повѣсть — не была, какъ вариантъ „Дуэли“, или, вѣрнѣе, не то, что вариантъ, а какъ-бы разъясненіе. Г. Чеховъ, написавши „Дуэль“, очевидно, догадался, что онъ не все высказалъ, что много тамъ, и вотъ онъ въ народъ съѣлъ опять на столѣ, сталъ разъяснять свое „Дуэль“ и въ этого разъясненія повѣстка „Жена“. Точка въ точку, какъ у г. Л. Н. Толстого: сначала въ „Крейцеровой сонатѣ“, а теперь въ „Пощаженіи“ изъ „Крейцеровой сонатѣ“. Кстати, мнѣ вспоминается „Крейцеровая соната“. Въ „Дуэли“ мнѣ вспоминается совершенно ясно. Тамъ описана Дуэльная въ „Сѣверѣ“, „Сѣверномъ“ и въ этомъ

я искренно сознался своимъ читателямъ. Не понималъ я этихъ отношеній не потому, что въ действительной жизни такія отношенія не бывають; не понималъ я ихъ потому, что все это мнѣ показалось ненужно, что эти отношенія иконны образцы не касались содержания повѣсти, что они — эпизодъ, ничѣмъ не связанный съ повѣстью, лишній и какъ-то странно не продуманный. Очевидно, думать и, г. Чеховъ этимъ эпизодомъ наирывался что-то сказать, но у него, какъ будто, ничего не вышло, и весь эпизодъ оказался непонятнымъ. И вотъ, только теперь, когда я прочиталъ „Жену“, мнѣ тотъ эпизодъ „Дуэль“ получился для меня смысломъ... т. е. не то, что о смысле, а я уразумѣлъ, что г. Чеховъ тогда наирывался сказать. А сказать онъ, въ сущности, хотѣлъ то, что уже раньше его и — random, — гораздо талантливѣе и сильнѣе сказалъ г. Л. Н. Толстой въ „Крейцеровой сонатѣ“. Такъ что его „Дуэль“ и „Жена“, — не болѣе, какъ послѣдованіе къ послѣдованію въ той-же „Крейцеровой сонатѣ“.

И вижу, что мои читатели посмотриваютъ на меня съ недоумѣніемъ, что они думаютъ, что я мучу, и что въ действительности ничего этого нѣтъ... Дѣлать, поэтому, ничего, приходится обратиться къ фактамъ. Содержаніе „Жены“ слѣдующее: голодъ, деревня... Въ деревнѣ проживаетъ богатый, дакъ, должно быть, очень богатый человѣкъ, фанатикъ котораго вамъ остается неизвѣстной. Онъ живетъ въ своей усадьбѣ, намерку, одинокъ и скучаетъ. Визу живётъ его жена. Отношенія ихъ — прости, но холодны, безсодержательны и скучны, какъ у людей, которые давно уже далеко другъ другу, такъ что даже ихъ жизнь въ смежныхъ этажахъ не выходила на близость. „Любви страстной, безпокойной, то слабой, то горькой, какъ шаминь, какую прежде возбуждала во мнѣ Наталья Гавриловна (повѣсть ведется отъ лица мужа, какъ въ „Крейцеровой сонатѣ“), уже не было; не было уже и проклятыхъ всплывшихъ, громкихъ разговоровъ, попреки, жалоба и тѣхъ взрывовъ нежности, которые означались обыкновенно со стороны жены пощадкой за-границу...“ Вы видите, что психологическое положеніе совершенно то-же самое, что и у г. Толстого названнаго убійства, совершеннаго Пощаженіемъ. Это до такой степени вѣрно, что авторъ даже прямо ссылается на „Крейцерову сонату“, и — что странно, — чувствуетъ нужу у г. Чехова, его психическое состояніе совершенно одинаковымъ, что и у Пощаженія. „Значитъ, въ эти два года, думаю я, мы не стали ужнѣе, холоднѣе и пошлѣе. Значитъ, опять побѣдѣ слово, крикъ, пришествіе, возстаніе, за-граница, жалостное чувство“

во, возбуждаемое деньгами, потому постоянно болѣзненный страхъ, что она тамъ, за-границей, съ какими-нибудь итальянцемъ или русскимъ свбаритомъ надругается надо мной, опять отказъ въ паспортѣ, письма, круглая одиночество, скука по ней, а черезъ пять лѣтъ старость, сѣдые волосы, слабость... Я ходилъ и воображалъ то, чего не могъ быть, какъ она красивая, пополнѣвшая, обнимается съ вузикантомъ, какъ въ „Крейцеровой сонатѣ“... Уже увѣренный, что это непременно произойдетъ — отчего, спрашивалъ я себя въ отчаяніи, отчего въ одну изъ прошлыхъ давнишнихъ ссоръ я не далъ ей развода, или отчего она въ ту пору не ушла отъ меня совсѣмъ, совсѣмъ? — Изъ этой мысли становится совершенно несомнѣннымъ, что г. Чеховъ знаетъ тему г. Толстого.

Должно быть этотъ семейный вопросъ уже очень мучителемъ въ современномъ обществѣ, если русскіе беллетристы то и дѣло переживаютъ его. Началъ г. Толстой, продолжалъ г. Майковъ („Исторія одного брака“), а теперь за тотъ-же вопросъ взялся и г. Чеховъ. Право, мучительный вопросъ, до такой степени мучительный и важный, что какъ-будто другіе вопросы омыслили и не существуютъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Именно это я замечалъ изъ той-же повѣсти г. Чехова. Видѣть вотъ онъ въ первой-же страницѣ упоминаетъ о голодѣ, который страдалъ въ настоящее время чуть-ли не половина Россіи. Тема, — думаю и себѣ, начинаю читать г. Чехова, — прекрасная! Какъ издали написать теперь, въ эту тяжелую минуту, художественное произведеніе по поводу того „проклятаго вопроса“, который такъ настоятельно поставленъ на очереди! И что-же? Вопросъ о голодѣ оказался пустою рамкой, чисто внѣшнимъ поводомъ для „семейныхъ отношеній“ этого барина и не менѣе ситой барина, которые съ своимъ дурашливымъ самолюбіемъ, съ своимъ тщливымъ коварствомъ въ собственной малой душонкѣ, только и думаютъ, что о собственникѣ своихъ брачныхъ отношеній, а вѣстѣ съ ними и г. Чеховъ. И такъ, вотъ „страшный вопросъ“, который озабочено все русское общество, вопросъ, составляющій для г. Чехова лишь внѣшній поводъ для писанія повѣсти о „брачныхъ отношеніяхъ“! Но правда-ли, что для Чехова (я нехотѣю быть, и для всѣхъ „молодыхъ“ беллетристовъ) никакое другое вопроса, кромѣ „брачнаго“ не существуетъ? — Но все равно брачный вопросъ, такъ нусть брачный, — является тѣмъ, какъ г. Чеховъ рѣшаетъ его, т. е. не то, что рѣшаетъ (шестое, или, вѣрнѣе, не рѣшаетъ), о

как он его ставит и какой художественный синтез он находит. В «Кройцеровой Сонате» — дело понятное: гр. Толстой писал на тему, ясно нам сознаваемую и ходъ обстоятельствъ повесть заставил его кончить убийством, какъ единственнымъ выходомъ изъ «бранимыхъ» отношений современныхъ людей. Убийство не есть, конечно, решение вопроса, но психологически, оно — единственно возможное, и гр. Толстой отлично это понял своимъ художественнымъ инстинктомъ. У г. Чехова — другое. Не смотря на то, что повесть написана отъ лица мужа, не смотря на то, что этотъ мужъ — человекъ въ высшей степени порядочный, въ обыкновенномъ смысле слова, что онъ привыкъ къ самообладанию, что онъ поступаетъ, казался-бы, не наобумъ, не подчинившись безосознательному, какъ инстинктъ-бы Гартманъ, — мы изъ его автобиографическаго убѣждены и сами съ первыми же страницами, что въ этомъ своемъ разладѣ съ женой, во всемъ виноватъ онъ, не виноватъ такъ-то странно. Въ сущности, видишь, фактической вины за него не значится, онъ деликатенъ, жена вышла за него по любви, а, между тѣмъ, она его презираетъ и высказываетъ это въ сабдуционныхъ монологахъ, который составляютъ кульминационный пунктъ повѣсти и который объясняетъ все дело: «Вы прекрасно образованы и воспитаны, — говоритъ жена мужу, — очень честны, справедливы, съ привычками, но все это выходитъ у васъ такъ, что куда-бы вы ни пошла, вы всюду выскочите какою-то дуракомъ, что-то въ высшей степени оскорбительное и унижающее. У васъ честный образъ мыслей и потому вы ненавидите весь миръ. Вы ненавидите итрусковъ, такъ какъ бра есть выражение неравности и несправедливости, и въ то-же время ненавидите и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ; вы ненавидите стариковъ за отсталость и консерватизмъ, а молодыхъ — за вольнодумство. Вамъ дорога интересъ народа и Россіи, и потому вы ненавидите народъ, такъ какъ въ каждомъ подозреваете вора и грабителя. Вы все въ ненавидите. Вы справедливы и всегда стоите на почвѣ законности, и потому вы постоянно судите съ нужными и осѣдлыми. У васъ укажи 20 нулей ржи и, изъ любви къ порядку, вы пожаловались на мужиковъ губернатору и всему начальству, а на здѣшнее начальство пожаловались въ Петербургъ! Почва законности! — сказала жена и засмѣялась. — На основании закона и въ интересахъ нравственности, вы не дайте мнѣ паспорта. Есть такая нравственность и такой законъ, чтобы монахи, здоровая, самолюбивая женщина проводила свои дни въ прачечной въ тоскѣ въ нос-

товляемъ страхъ, и получила-бы за это стоить и квартиру отъ человека, котораго она не любитъ. Вы превосходно знаете законы, очень честны и справедливы, уважаете бракъ и семейныя основы, а изъ всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не одѣлали ни одного добраго дѣла, вы въ васъ ненавидятъ, се всѣмъ вы въ спорѣ и за эти семь дѣтъ, какъ женщины, вы и семи вѣщцевъ не прожили съ женой. У васъ не было жены, а у меня не было мужа. Съ такимъ человекомъ, какъ вы, жить невозможно, нѣтъ силъ. Въ первые годы мнѣ съ вами было страшно, а теперь мнѣ стыдно...» Какъ видите, обвинительный актъ еплогше, и надо признаться, что жена права: очевидно, съ такимъ человекомъ жить невозможно, при томъ, конечно, условіи, не исключительно работая о семейномъ участіи, что у ней есть идеалы «добра, истины, красоты», что эти идеалы она живетъ. И, действительно, такъва именно эта жена въ повѣсти г. Чехова. И все-таки, признавая все это, соглашались, а мажорусъ въ сонетѣ. Сонетъ моя касаются, главнымъ образомъ, художественнаго приѣма автора. Ужъ будто-бы такіе монологи бывають въ действительности? Ужъ не слишкомъ-ли это примитивно для истиннаго художника, — взять, да и вывалить въ монологъ всю мысль произведенія, какъ-будто читатель и самъ не можетъ догадаться! Истинные художники такъ не дѣлають. Смыслъ произведенія является у нихъ самъ собой, изъ отношений дѣйствующихъ лицъ, изъ драматическихъ положеній, которая возникають неизбежно, изъ характера, изъ индивидуальности, темперамента, привычекъ, воспитанія. А у г. Чехова совершенно какъ въ дѣтскихъ книжкахъ: Коля или Маша провинились, является напаша и читаетъ изъ нотации. Неужели вся русская литература только для того и существуетъ, чтобы наши молодые беллетристы явились въ такому примитивному художественному приѣму?

Но, устранивъ вопросъ о художественномъ приѣмѣ, а, тѣмъ не менѣе, долженъ отдать справедливость г. Чехову: своимъ героемъ онъ хотѣлъ, действительно, нѣчто сказать, — онъ хотѣлъ (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется) изобразить изрѣвающій типъ, — себялюбиваго, вѣчно-примитивнаго эгоиста, молодого человека нашего времени, всего погруженнаго въ какое-то психологическое самообладаніе. Тѣмъ этотъ, действительно, изрѣвается и совершенно понятно и законно, что онъ посылается въ литературу. Съ другой стороны, совершенно понятно и законно, что г. Чеховъ, — въ самомъ дѣлѣ писатель талантливый, инстинктивный, наблюдательный, заинтересованный этимъ типомъ и воспринимать его. Но, интересъ, это ему не уда-

лось. Онъ ужъ и въ «Дуэли» помнитъ этотъ типъ въ Лавскомъ, но помнитъ такъ неудачно, что ни одной живой, современной черты въ Лавскомъ не осталось, — былъ только лишний человекъ тургеневскихъ временъ. Въ новой его повѣсти этотъ типъ разработанъ полнѣе, но все-таки это тотъ-же Лавскій, только онъ будто ближе въ намъ. Какъ Лавскій, такъ и мужъ теперешней повѣсти характеризуются или словами другихъ дѣйствующихъ лицъ, или самимъ авторомъ. Это-ли художественный приѣмъ, въ истинно художественный приѣмъ, къ которому приучилъ насъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ? Правда, я заявляю довольно большія требованія г. Чехову, но это только потому, что я его считаю действительно талантливымъ беллетристомъ, который могъ-бы идти по слѣдамъ этого норвежца. Для того, чтобы сдѣлать Лавскаго и мужа еще болѣе рельефными, г. Чеховъ прибѣгаетъ и къ другому, но не въ примитивному, приѣму: въ видѣ контраста, онъ окружаетъ его хорошими, непосредственно-добрими натурами, у которыхъ ни капли нѣтъ ни эгоизма, ни самолюбия, ни неконотія. Правда, они несколько ограничены, нѣсколько простодушны, они чудачки, образованія никакого не получили, никакими «идеалами» по обуреваемы, они просто, не мудрствуя лукаво, дѣлають свое дѣло, — и по этому самому они и являются контрастомъ Лавскому, или герою послѣдней повѣсти. Эти люди фонъ, — ясный, какъ безоблачное, синее небо, — на которомъ вырисовывается позная фигура Лавскаго или мужа. Эти люди — само добродушіе, сама справедливость, непосредственная, безосознательная, инстинктивная или стихійная, а Лавскій и мужъ — эгоисты, такъ сказать, рефлективные, образованные, воспитанные, анализирующіе, скептически, а потому безъ вѣры и безъ идеаловъ. Такой Лавскій въ «Дуэли» и такимъ окружающіе его люди, въ родѣ Самойленко и діакона. Такой и мужъ «жены», и такимъ окружающіе его люди: кроме жены, докторъ Соболь и кто-то Павелъ Ивановичъ. Кажется-бы, что такое сооставляло не признанно-бренно; кажется-бы, что г. Чеховъ вовсе и не думалъ опоставлять стихійное добродушіе съ цивилизованнымъ эгоизмомъ. Но нѣтъ. Авторъ, это видно изъ такого была цѣль автора; это видно изъ того, что такое сооставляло есть и въ «Дуэли» и въ «Женѣ», — когда писатель такъ повторяетъ себя, такъ значитъ, онъ дѣлаетъ это сознательно, съ определенною цѣлью. Стало быть, мы имѣемъ право сказать, что проповѣдываемый идеалъ г. Чеховымъ, — есть стихійное добродушіе, въ противоположность цивилизованному бездушію. Жаль только, что этотъ

Одесский листок
1892 г. 20 января, № 18

С. 2-3

идеаль уль не новъ; его идеаль гр. Толстого. Въ книгѣ „О жизни“, гр. Толстой проповѣдуетъ какое-то объективное, бесстрастное „благоволеніе“,—не любовь къ тому или другому человѣку, въ человѣчеству, наконецъ, къ идеѣ, а просто такъ—безпредметную любовь, расплывающуюся на все, любовь, но освященную сознаніемъ. Таковъ у гр. Толстого Акимъ во „Власти тьмы“ и Петръ Каратаевъ въ „Войнѣ и мирѣ“, таковы его мужички въ „Плодахъ просвѣщенія“, таковъ, наконецъ, знаменитый духовный мужикъ въ „Смерти Ивана Ильича“. Но въ оправданіе гр. Толстого можно сказать, что для него всѣ эти фигуры—не просто художественныя фигуры, а выраженіе болѣе или менѣе художественное его философскихъ воззрѣній, которыя онъ старается выложить всѣми средствами, накопившимися въ его распоряженіи. У г. Чехова—не то. О философіи г. Чехова, пока, было-бы странно и преждевременно говорить. Г. Чеховъ не философію излагаетъ, а пишетъ повѣсть, только онъ этой повѣстью хочетъ нечто сказать. Что-жъ онъ хочетъ сказать? Да просто то, что современный человѣкъ, съ его дрянными рефлексомъ, съ его самообожаніемъ, съ его аналитическимъ умомъ, который вытравляетъ въ немъ все доброе и идеальное,—дрянь и ничего не стоитъ, а Соболь, или Иванъ Ивановичъ, или Самоуilenko, или дяконъ,—истинно идеальные представители идеальнаго человечества, это—тѣ стивійныя натуры безъ всякой лжи, прививаемой образованіемъ, которыми держится миръ. Что говорить. Доля правды и въ этомъ есть. Кто не знаетъ, что русскій образованный человѣкъ страдаетъ рефлексомъ, что натуры въ немъ мало, что онъ въ большинствѣ случаевъ безхарактеренъ; кто не знаетъ, что добродушные, простые люди часто бываютъ истинными героями, истинно полезными людьми, съ характеромъ, волей, настойчивостью. Но въ такомъ приношеніи составленія, какое мы встрѣчаемъ у г. Чехова,—это не просто стивъ съ натуры, а тѣзисъ, тѣзисъ обобщенный, которымъ г. Чеховъ хочетъ намъ сказать, что образованіе нигде не годится, а все дѣло—въ натурѣ, той самой натурѣ, которая является какъ деизъ ex machina у всѣхъ пессимистовъ; впречемъ, виноваты,—не у всѣхъ, а только у Шопенгауера, или у такихъ оптимистовъ, какъ Жанъ-Жакъ Руссо и гр. Толстой. Но не рано-ль г. Чехову быть пессимистомъ? Когда и почему онъ избралъ въ образованіе, въ науку, въ аналитическій умъ? Онъ скажетъ, можетъ быть, что все это разочарованіе подсказано ему наблюданіемъ надъ русскимъ образованнымъ обществомъ, что онъ не знаетъ, что такое истинно образованный

русскіе люди,—по крайней мѣрѣ, большинство ихъ. Отчасти это такъ, но отчасти фактъ былъ констатированъ не имъ первымъ, а многими другими, раньше его,—Тургеневымъ, наприм., или Достоевскимъ и даже Гончаровымъ. Они занимали этотъ фактъ въ своемъ художественномъ анализѣ, но не приносили стивіаго, неразумнаго добродушія, и, кромѣ того, не обобщали его, какъ это дѣлаетъ г. Чеховъ.

И еще есть у меня одинъ большой, очень большой упрекъ г. Чехову. Въ „Дуахъ“ Лавский, потрясенный какими-нибудь фактами, въ концѣ-концовъ, кается и испрашивается. То-же самое мы видимъ и въ „Женѣ“. Безъ особенной нужды, даже безъ особеннаго вытиснаго толчка, а такъ,—почти здорово живешь,—ужъ, въ концѣ-концовъ, доходитъ до состоянія своего бездущнаго оглозга и въ одно прекрасное утро просыпается преобразеннымъ; точно по знаменію волшебнаго жезла, отъ него отлетаетъ и его „образованный“ эгоизмъ, и его самообожаніе, онъ предлагается передъ непосредственной натурой, становится въ игнореніе съ другими людьми; жена принимаетъ съ нимъ, оба они начинаютъ голубить и, конечно, для нихъ возникаетъ возможность „семейное счастье“. Въ идеальномъ будущемъ можно предвидѣть, что они станутъ влюбленными голубками и наизвѣстную виллу на старости. Какая, притомъ, идиллія! И какъ господа индѣльные безлострасты легко и просто разрѣшаютъ всѣ „проклятыя“ вопросы,—начиная съ голода и кончая семейнымъ вопросомъ и малютками! Ничъ-бы устами да негъ шить; только въ жизни бываетъ не такъ.

В. Чуйко.

С.-Петербургъ.